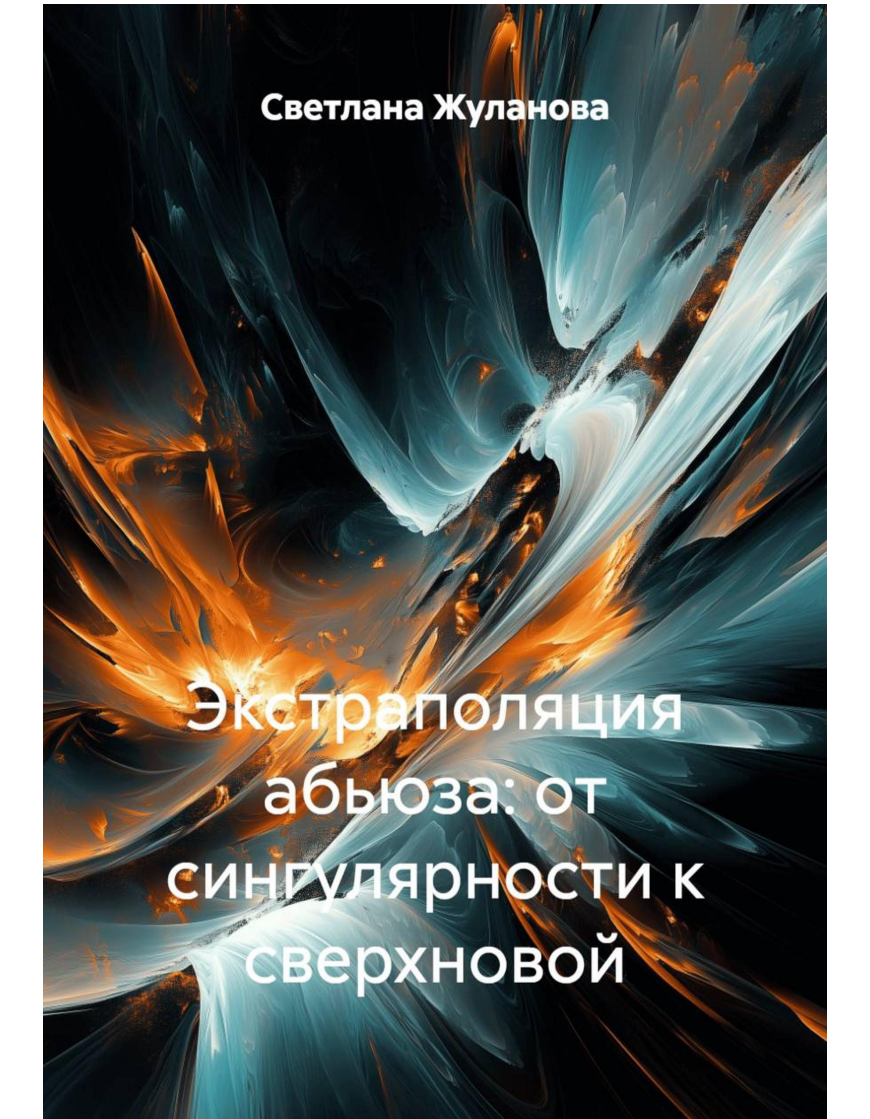

Светлана Жуланова

Экстраполяция
абьюза: от
сингулярности к
сверхновой

Светлана Жуланова

Экстраполяция абьюза: от сингулярности к сверхновой

<https://litres.ru/74613612>

SelfPub; 2026

Аннотация

Земля — планета перегруженных частот, где токсичный контроль легко замаскировать под заботу и лидерство. Но в стерильной тишине орбитальной станции «Ахимса» фальшивые слова бессильны. Здесь датчики ИИ фиксируют истинный след человеческих поступков, измеряя эмпатию и давление с математической точностью.

Марк считал себя идеальным лидером, спасающим структуру от хаоса. Елена верила, что она — безгрешная Русалочка, отдавшая всю себя ради счастья близких. Но физика космоса беспощадна: приборы считывают их удушающий контроль как «вектор поглощения» и «гравитацию черной дыры», выжигающую жизни тех, кто рядом.

Психологической фантастический диптих «Экстраполяция абьюза» — это глубокое погружение в природу манипуляций, сценарных ловушек и детских травм. Смогут ли герои пройти через болезненные точки бифуркации, сбросить старую броню

ради уязвимости и переписать уравнение своей жизни, превратив разрушительную сингулярность во вспышку сверхновой?

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Экстраполяция абьюза: от сингулярности к сверхновой

Глава

Пролог

Земля — это планета перегруженных частот. В её плотной атмосфере, прошитой миллиардами радиоволн, спутниковых сигналов и фонового шума мегаполисов, человеческая психика никогда не бывает в абсолютном покое. Каждый диалог на Земле отягощен гравитацией контекста: социальным статусом, прошлыми обидами, шумом улицы и присутствием третьих лиц. Провести там чистый биофизический эксперимент по измерению человеческого давления невозможно. Слишком велика погрешность. Слишком много помех.

Именно поэтому станция «Ахимса» была выведена на высокую околоземную орбиту. Здесь, за пределами ионосферы, в стерильном вакууме и ферромагнитных изоляционных боксах, ученые смогли создать «чистую тишину». В этой космической изоляции слабые электромагнитные поля челове-

ческого тела, микротонус мышц и биофотоны перестают тонуть в земном шуме. На орбите человеческое присутствие можно препарировать с математической точностью, отделяя истинный след поступков от фальшивых слов.

Марк не планировал становиться подопытным на этой станции. Он прибыл сюда, потому что его собственная земная жизнь сколлапсировала, превратившись в черную дыру.

Корни его абьюзивного поведения уходили в классическое, доведенное до абсолюта земное выживание. Марк рос в среде, где любая уязвимость приравнивалась к гибели, а право на безопасность нужно было выгрызть зубами. Его воспитывали с установкой: *«Если ты не контролируешь ситуацию на сто процентов, её контролирует кто-то другой, и этот кто-то обязательно тебя уничтожит»*. Этот глупый, панический страх показаться слабым Марк превратил в безупречную броню. Годами он оттачивал навыки эффективного лидерства, которые на деле оказались легализованным насилием.

Его абьюз не был примитивным. Марк не кричал и не распускал руки. Он действовал тоньше, выжигая пространство вокруг себя авторитетом, экспертным мнением и тотальным контролем. Он брал ответственность за других, но взамен требовал их воли. Он перебивал, потому что «знал лучше», он давал преждевременные советы, обесценивая чужие переживания, и создавал вокруг близких и подчиненных удручающую тишину, в которой никто не смел дышать без его

одобрения.

Эта стратегия долго казалась Марку успешной, пока не сработал закон критической массы. Жесткий контроль, призванный защитить его, нанес сокрушительный удар по нему самому. Люди, которых он искренне считал «своей командой», начали ломаться и бежать. Сначала уволились ведущие специалисты его компании, не выдержав психологических тисков. Затем ушла Кристина — женщина, ради безопасности которой он, как ему казалось, и выстраивал эту железобетонную систему контроля. Она ушла не к другому мужчине, она ушла в пустоту, просто чтобы спасти остатки своего «я».

Марк остался в абсолютном одиночестве посреди выжженной пустыни своего успеха. Его бизнес-империя начала рассыпаться, потому что запуганные сотрудники перестали проявлять инициативу, а сам он физически и эмоционально истощился, круглосуточно удерживая рушащиеся плиты контроля. Когда внутреннее напряжение привело его к порогу нервного срыва, Марк понял: его траектория ведет в тупик. Он превратился в сингулярность — точку, которая сжалась под собственной тяжестью и больше не способна выпускать свет.

Это и заставило его подписать контракт с проектом «Ахимса». Земные терапевты разводили руками, и единственным шансом для Марка остался полет к звездам — туда, где приборы бесстрастно покажут ему его собственный

след.

Глава 1. Сингулярность

Станция «Ахимса» висела над Землёй, будто застывшая слеза: идеально круглая, с тонкой каймой солнечных панелей, похожих на ресницы. Внутри было тихо — той стерильной, звенящей тишиной орбитальных лабораторий, которая давит на барабанные перепонки сильнее крика. Марк спиной чувствовал этот холодный покой, но знал: система лишь копит силы. Истинная цель этой паузы — заставить его увидеть то, от чего он тридцать лет отворачивался на Земле.

Он сел в глубокое ложе диагностического модуля. Фиксаторы мягко, но бескомпромиссно обхватили плечи, словно лишая возможности сбежать от собственного отражения. Напротив мерцал матовый экран. По нему, пульсируя, медленно поползла вверх багровая кривая — его «профиль поглощения».

Лина стояла чуть сбоку, скрестив руки на груди. Она намеренно не смотрела на него, давая Марку время переболеть первыми цифрами. Ей, как ведущему координатору, было прекрасно известно: этот график бьет сильнее любого физического оружия.

— Это не приговор, Марк, — её голос прозвучал ровно, почти обыденно, когда он наконец поднял на неё тяжелый взгляд. — Это экстраполяция. Математика. Мы берем массив данных за твои последние три года и продлеваем эту за-

кономерность в будущее. Просто смотрим, куда ведет траектория, если ты оставишь всё как есть.

Марк натянул на лицо привычную маску ироничного превосходства и хмыкнул, стараясь звучать максимально равнодушно:

— То есть вы на полном серьезе предсказываете моё будущее по графикам? Как гадалки?

— По следам, — мягко, но жестко перебила Лина, сделав шаг к панели. — Ты оставляешь их повсюду: в тембре голоса, в микросекундных паузах, в том, как твой собеседник неосознанно сжимает плечи и чуть отводит взгляд, стоит тебе повысить тон. Наши квантовые датчики просто считывают эти отпечатки.

Экран послушно развернул перед ним ломаную линию. Каждый пик вьелся в шкалу дат, как шрам. Четырнадцатое марта — увольнение ведущего инженера, который «не выдержал темпа». Второе августа — выматывающий, глухой разрыв с Кристиной. Ноябрьский совет директоров, где пришлось буквально перекричать половину стола, чтобы продать бюджет.

Внутри Марка привычно, как хорошо смазанный затвор, щелкнуло оправдание: *«Я держал всё под контролем. Я спас структуру. Без моего давления всё бы превратилось в кашу»*. Но само слово «контроль», которым он всю жизнь гордился, вдруг высветилось на панели чужим, холодным и

пугающим термином: «Вектор активного поглощения».

— Смотри сюда, — Лина коснулась сенсора, и поверх багровой кривой наложилась другая линия — «вектор отдачи». Тонкая синяя нить была почти плоской. Она безжизненно стелилась вдоль оси абсцисс. — Видишь разницу? Из любого взаимодействия ты забираешь пространство, а не отдаешь его. Это не плохо и не хорошо. Это просто физический факт. Как гравитация черной дыры: всё, что приближается к тебе, неизбежно втягивается и гаснет.

Марк до боли сжал пальцами подлокотники кресла. К горлу подкатил ком. Ему отчаянно хотелось швырнуть в Лину что-то резкое, обесценивающее, что-то, что мгновенно вернет ему привычную позицию «я знаю лучше, а вы все дилетанты». Но в ушах стоял жесткий инструктаж перед посадкой на челнок: *«Первые десять минут — никаких оценок. Только наблюдение»*.

В этот момент скользящая дверь отсека тихо ушла в пазы, и в комнату вошла Ая. Она не стала фальшиво улыбаться, сглаживать острые углы или демонстрировать дежурное сочувствие. Ая просто поставила на столик перед Марком стакан воды и молча села на стул напротив, свободно скрестив руки.

— Ты будешь говорить с ней, — пояснила Лина, отходя к пульту управления. — Без цели победить в споре. Без цели переубедить или «исправить ситуацию». Ты не должен ничего доказывать. Просто десять минут.

Марк коротко кивнул, хотя каждая клетка его тела кричала: *«Это нелепо! Я успешный топ-менеджер, мне не нужны детские уроки общения»*.

— О чём ты хочешь поговорить? — Ая смотрела прямо на него. Глаза в глаза. Без вежливых прелюдий и светских масок.

Марк по привычке открыл рот, чтобы перехватить инициативу, выстроить глухую оборону и выдать дежурный монолог: *«Давай обсудим, почему ваша хваленая программа считает, что мне нужно меняться...»*

Но слово застряло на полувздохе. В памяти внезапно всплыл пункт из глоссария станции — «фотон тепла». Крошечный, едва заметный миг, когда ты не нападаешь, не защищаешься, а просто признаешь право другого человека быть здесь.

— Честно? — слова давались с трудом, голос Марка вдруг стал глуше и тише. — Я не хочу ни о чём говорить. Больше всего на свете я хочу, чтобы мне сейчас сказали, что эта система ошиблась. Что все ваши графики — лажа. Что я... не такой.

Ая чуть наклонила голову. В её взгляде впервые не было ни осуждения, ни профессиональной жалости. Только чистое зеркало.

— Знаешь, — тихо произнесла она, — я раньше тоже отчаянно хотела, чтобы мне говорили, что всё нормально. Особенно когда вокруг меня всё уже летело к чертям.

Марк почувствовал, как внутри зашевелилась привычная язвительность: *«Ну конечно, сейчас начнется сеанс взаимного плача...»*

В этот момент ИИ «Эхо», встроенный в потолочные панели модуля, произнес бесстрастным металлическим тоном.

— Горизонт событий пересечён на отметке 3:17. Обратная связь потеряна.

Марк вздрогнул, будто его ударило током.

— Что это значит?! — спросил он резко, переходя на оборонительный рык.

— Это значит, — Лина повернулась от монитора, и в её глазах читалась холодная констатация, — что ровно в эту секунду ты перестал слышать Аю. Твой мозг отключился от её слов и начал лихорадочно готовить контраргумент. Ты ушел в защиту. Это не провал, Марк. Это просто точка невозврата, которую система теперь помогает тебе фиксировать.

Марк тяжело откинулся на спинку кресла. Он чувствовал, как его многолетняя броня покрывается глубокими трещинами. Он никогда не считал себя монстром или «черной дырой». Он искренне верил, что спасает людей своим контролем. Но сухие цифры, бесстрастный голос искусственного интеллекта и этот спокойный, немигающий взгляд Аи говорили об обратном: ты уже стал ею. И вопрос теперь не в том, «плохой» ты или «хороший». Вопрос в том, готов ли ты экс-

траполировать этот кошмар дальше — или рискнешь переписать уравнение?

Лина подошла ближе и положила на матовый стол перед ним тонкую, едва теплую пластину из кварцевого стекла. Сенсор поляризатора.

— Программа «Ахимса» не собирается ломать тебя и заставлять «стать добрым», — тихо сказала она. — Мы лишь научим тебя замечать свой горизонт событий до того, как ты его пересечешь и сожрешь чужую волю. Это как тренировка атрофированной мышцы. Сначала будет невыносимо тяжело. Потом станет рефлексом.

Марк посмотрел на прозрачную пластину, затем перевел взгляд на экран, где багровая кривая его это всё еще тянулась вверх, уходя в математическую бесконечность. Сингулярность. Точка, где весь мир сжимается до размеров одного человека.

— А если я... если я не смогу? — спросил он. Этот вопрос дался ему сложнее всего в жизни. Он прозвучал тихо, почти шёпотом, обнажая глубинную, тщательно спрятанную беспомощность.

— Тогда мы будем замечать это вместе, — Ая протянула руку и коснулась противоположного края пластины. — И каждый раз, когда ты поймаешь себя за руку и остановишься хотя бы на секунду раньше, чем обычно, — это будет твой первый квант тепла.

Экран диагностического модуля коротко моргнул. Багро-

вая кривая на миллиметр дрогнула, замерла и впервые в истории наблюдений Марка сделала едва заметный шаг вниз.

Глава 2. Поляризатор и тишина

Станция «Ахимса» жила не звуками, а частотами. По ночам, когда дежурные смены расходились по жилым отсекам, а общее освещение приглушалось до глубокого индиго, Марк оставался один на один с тонким, почти осязаемым гулом. Это был резонанс солнечных панелей, принудительно настроенный инженерами на частоту 432 Гц. Бортовой глоссарий утверждал, что такая вибрация выравнивает сердечный ритм и успокаивает нервную систему. Марку же казалось, что эта частота лишь препарирует тишину, делая её звенящей, плотной и невыносимо громкой.

Сегодня его ждало первое настоящее практическое испытание — сессия с «поляризатором эмоций».

Устройство, которое Лина положила перед ним в экспериментальном боксе, выглядело обманчиво просто: тонкая, гладкая пластина из кварцевого стекла с едва заметным напылением из полупроводниковых квантовых точек. Пластина соединялась гибким шлейфом с небольшим блоком обработки данных.

— Не пытайся искать здесь подвох, Марк. Это не детектор лжи, — произнесла Лина, настраивая сенсоры на его запястьях. — Поляризатор не оценивает твои мысли. Он лишь фиксирует сверхслабые изменения в электромагнитном поле, которое генерируют твои живые ткани, и переводит их

в математический вектор взаимодействия. Мы смотрим на геометрию процесса: поглощение или отдача. Если ты «гасишь» собеседника, поле мгновенно теряет симметрию. Если вы в резонансе — оси выравниваются.

Марк осторожно взял пластину. Кварц оказался неожиданно тёплым, словно до этого прибор долго держали на солнце или он сохранил тепло чужих ладоней.

— И каков регламент? — Марк постарался придать голосу деловитость. — Я должен держать её и говорить по какой-то методичке?

— Держать и молчать, — спокойно отрезала Лина, отходя к контрольному монитору. — Твоя задача на эти десять минут — просто находиться в одном пространстве с Аей и наблюдать за тем, как реагирует прибор. Не пытайся исправлять ситуацию. Не пытайся «спасать» разговор, если возникнет пауза. Просто фиксируй.

Ая сидела напротив Марка, расслабленно откинувшись на спинку кресла. Её взгляд был направлен не на лицо Марка, а чуть ниже — на прозрачную поверхность кварца.

— Знаешь, что самое страшное в абьюзе и тотальном контроле? — вдруг заговорила она. Её голос лился ровно, без единой жесткой интонации, но от этой мягкости Марку стало не по себе. — Это не крики. И не битье посуды. Самое страшное — та удушающая тишина, которую ты создаешь вокруг себя. Когда близкие люди просто замолкают. Затыкаются, потому что заранее знают: если они скажут свою прав-

ду, им будет больно. Твой контроль выжигает саму возможность диалога. А эта штука, — она кивнула на пластину, — просто делает твою тишину видимой для тебя самого.

Внутри Марка мгновенно вспыхнуло яростное, привычное сопротивление. В голове завертелся калейдоскоп готовых фраз, которыми он годами отбивался от подобных обвинений на Земле: *«Я никогда никого не бил!», «Я просто требовал жестких результатов в бизнесе!», «Это была здоровая рабочая атмосфера, слабакам там не место!»*

Слова уже были на кончике языка, готовые сорваться и раздавить аргументы Аи, но они застряли в горле. Марк внезапно осознал, о чём именно она говорит. Это было не про физическое насилие. Это было про ту самую ментальную гравитацию черной дыры, которая заставляла любого человека рядом с ним сжиматься, тушеваться и переходить на шепот, пока в комнате не оставался звучать один-единственный голос — его собственный.

В ту же секунду кварцевая пластина в его руках, до этого слабо светившаяся бледно-зелёным, резко моргнула и налилась плотным, грязно-серым цветом, похожим на остывший пепел.

— Горизонт событий пересечён, — бесстрастно отозвался динамик ИИ «Эхо». — Вектор поглощения увеличился на 27%.

Марк дернулся в кресле, едва не выронив прибор:

— Да я же слова не сказал! Это сбой!

— Ты не сказал, но ты сделал, — Ая даже не шелохнулась.

— Твое тело напряглось. Челюсть сжалась. Ты внутренне мобилизовался и начал готовить оборонительную речь, чтобы доказать свою правоту. Это уже ментальное действие, Марк. И твой импульс контроля мгновенно изменил геометрию поля.

Лина подтвердила слова коллеги, выведя на экран трехмерную модель:

— Представь, что любая твоя попытка внутренне продать свою позицию — это микроскопическая черная дыра. Она существует доли секунды, но успевает искривить пространство вокруг себя. Поляризатор фиксирует именно эти микроструктурные искажения.

Марк снова опустил взгляд на кварц. Серый налет на стекле начал медленно блекнуть, уступая место прозрачной, бледной лазури.

— А это? — спросил он, сознательно снижая тон и стараясь дышать ровнее.

— А это значит, — Ая впервые за сессию мягко улыбнулась, — что ты прямо сейчас на одну секунду перестал защищаться. Ты просто принял информацию к сведению. И пространство вокруг тебя чуть-чуть выпрямилось.

Час спустя Лина привела Марка в сектор оптических исследований, чтобы показать данные «фотонного анализатора».

— Мы на «Ахимсе» работаем с подтвержденной гипотезой, — объясняла она, выводя на широкоформатный дисплей сложную извилистую диаграмму, напоминающую хвост кометы в темной пустоте. — Слабые световые поля человека напрямую отражают его психоэмоциональное состояние. Никакой эзотерики, Марк, чистая квантовая биофизика. Фотоны постоянно взаимодействуют с молекулами воды в твоих тканях. В зависимости от тонуса сосудов и микронапряжения мышц меняется характер рассеяния света. Мы просто научились его ловить.

Она увеличила один из участков графика.

— Это твой фотонный след за сегодня. Видишь эти резкие, рваные пики? Это моменты, когда твое поле сжималось, как тиски. Это мгновения, когда ты мысленно подавлял голос Аи. А вот эти едва заметные, тонкие гармонические волны внизу — те самые «кванты тепла». Эпизоды, когда ты не оценивал, а просто эмпатически слушал. Их ничтожно мало. Но, как видишь, они есть.

Марк долго и молча всматривался в светящуюся кривую. Ему до боли в мышцах хотелось по привычке заявить, что прибор откалиброван неверно, что погрешность слишком велика, что всё это — манипуляция. Но перед глазами снова

встали слова Аи о гнетущей тишине. И спорить стало не с чем. Физика подтверждала то, что люди на Земле чувствовали рядом с ним каждый день, но боялись назвать вслух.

Поздним вечером Марк вышел в обзорный купол наблюдения.

Земля внизу казалась огромным, медленно вращающимся кристаллом, грани которого переливались неоновым голубым и ослепительно белым светом. Он сел прямо на теплое полимерное покрытие пола, скрестил ноги и закрыл глаза, пытаясь войти в рекомендованное Аей состояние Самадхи — безоценочного присутствия.

Он перебирал в памяти свои прошлые годы, пытаясь отыскать хоть один момент, когда он не давил, не контролировал, не строил из себя идеального лидера, знающего ответы на все вопросы. Память неохотно выдала один старый, почти забытый эпизод. Пять лет назад его коллега в офисе разрыдалась из-за личной драмы. Марк тогда не стал читать ей лекций, не стал давать практических советов по выходу из кризиса и не требовал отчета. Он просто сел на соседний стул и молча посидел рядом десять минут, пока она не успокоилась. Уходя, она тихо сказала: *«Спасибо, Марк. Спасибо, что не стал меня лечить и успокаивать»*.

Вспомнив это, Марк ощутил странный внутренний сдвиг. Это не было вспышкой озарения или катарсисом. Скорее —

едва заметная трещина в глухой стене его эго, через которую пробился тонкий луч. Одиноким фотон тепла, сумевший выбраться из его персональной сингулярности.

«Надо же, квант тепла...» — подумал он с легкой, уже не язвительной иронией.

В наушниках коммуникатора тихо и мягко прозвучал сгенерированный голос ИИ «Эхо»:

— Внимание. Зафиксирован кратковременный рост симметрии локального поля. Вектор отдачи: плюс 12%.

Марк открыл глаза и посмотрел на плывущие вниз облака Земли. Он улыбнулся. Впервые за очень долгое время — абсолютно без напряжения в лицевых мышцах.

Глава 3. Квантовая запутанность

В экспериментальном отсеке № 7 пахло свежим озоном и переохлажденным металлом — этот запах всегда сопутствовал работе мощных криогенных процессоров. Стены отсека были облицованы матовыми панелями из ферромагнитного сплава, полностью отсекающими внешние электромагнитные шумы и орбитальные вибрации. Здесь, в самом сердце станции, инженеры создавали то, что Лина называла «чистой тишиной, которую можно измерить».

В центре комнаты, друг напротив друга, стояли два массивных кресла. Между ними тянулась сложная, полупрозрачная сеть оптоволоконных нитей. В полумраке отсека они слабо мерцали, напоминая застывшие в воздухе тонкие нео-

новые молнии.

— Сегодня мы оставим в стороне разговоры о твоих сознательных паттернах контроля, Марк, — произнесла Лина. Она быстро скользила пальцами по сенсорной панели управления, активируя датчики. — Сегодня мы опустимся на уровень ниже. Мы поговорим о связи. О том, как один человек физически влияет на другого, даже если он молчит, сидит неподвижно и изо всех сил транслирует внешнее дружелюбие.

Марк осторожно опустился в кресло. Ложе мгновенно подстроилось под его анатомию, но полимерные подлокотники показались ему избыточно теплыми, словно они всё еще хранили тепло тела предыдущего испытуемого. Внутри снова зашевелился привычный скепсис, готовый выдать очередную защитную колкость, но Марк вовремя прикусил язык.

— Для этого сеанса мы используем установку «Резонанс-7», — продолжала Лина, закрепляя на его висках и запястьях тончайшие биосенсорные полукольца. — Она создаст временный контур квантовой запутанности между биологическими полями двух операторов. Не ищи здесь мистики или магии. Это не чтение мыслей. Установка лишь многократно усиливает и выводит на мониторы те естественные, сверхслабые межличностные взаимодействия, которые происходят между людьми на Земле каждую секунду. Мы просто делаем их видимыми для твоего левого полушария.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.